

Цзи Чэну было плевать, о чём там Фан Хуа шептался со съёмочной группой. Натянута, виноватая улыбочка парня его ничуть не тронула. Послушавшись Лу Цзюньсяня, он отправился один бродить по площадке, чтобы осмотреться и привыкнуть к обстановке.

Ранним утром на съёмочной площадке уже вовсю кипела работа: в гримёрках актёры завершали последние приготовления, а рабочие сутились между локациями.

Вернувшись после неторопливого обхода, Цзи Чэн заметил режиссёра Юя. Сложив руки на груди, Юй Цзыцунь подпирал плечом раскидистое дерево во дворе и с ледяным бесстрашием к чему-то прислушивался.

Посреди двора копошились рабочие, а вместе с ними сутился и Фан Хуа. Роль у него, видимо, была совсем крошечная, вот он и выслуживался, помогая съёмочной группе со всякой мелочёвкой.

Цзи Чэн поначалу не придавал этому значения — решил, что парень просто по природе своей отзывчивый. Заприметив в углу двора раскладную табуретку, он нацелился усестись там до прихода Лу Цзюньсяня и повторить свои реплики.

Только он собрался шагнуть во двор, как до него донёсся голос Фан Хуа:

— Да я вам как главный знаток съёмочной площадки говорю! Собственными глазами видел! Цзи Чэна точно содержат, его Учитель Лу себе взял!

— Ха-ха! Да ну, бред! — отмахнулся один из ассистентов. — Цзи Чэн же машина под два метра, какой из него альфонс?

— В жизни всё бывает! — вмешался второй сплетник. — К тому же я вчера своими глазами видел, что у него древний кнопочный телефон! Я ещё тогда подумал: откуда такая нищета? А теперь всё сходится. Нищий, вот и слёг под папика.

— Фан Хуа, тебе больше заняться нечем, кроме как чужие сплетни собирать? — с усмешкой фыркнула ассистентка. — Завидуешь, что ли, что у человека спонсор есть?

— Завидую? Да кабы кто предложил! Я против правил постели ничего не имею, ха-ха-ха... Кха!

Фан Хуа зашёлся смехом, но, повернув голову, наткнулся на взгляд Цзи Чэна, стоящего посреди двора. Смех мгновенно застрял у него в горле. Он судорожно замахал руками на остальных, призывая замолчать.

Рабочие оглянулись и, встретившись взглядом с абсолютно бесстрастным Цзи Чэном, выдавили виноватые улыбки. Сердца у всех ушли в пятки.

На лице Цзи Чэна и так обычно не отражалось ни единой эмоции, отчего он казался угрюмым и неприступным. Вот и сейчас выражение оставалось каменным, но у совестливых сплетников от страха поджилки затряслись. Цзи Чэн показался им невероятно свирепым. Каждый мысленно прикинул: парень под метр девяносто... если начнёт махать кулаками, он ведь нас всех, как цыплят, поодиночке передушит?

Фан Хуа неловко кашлянул и натянуто улыбнулся, собираясь по-братски махнуть рукой, чтобы замять неловкость. Но стоило ему сделать шаг навстречу, как Цзи Чэн холодно развернулся и пошёл прочь.

Фан Хуа застыл на месте.

Сплетники переглянулись.

«Вот так просто? Никакой реакции?»

Цзи Чэну действительно было глубоко плевать. Называют альфонсом — да пусть хоть горшком называют. В своей жизни он наслушался столько грязи за спиной, что давно очерстел. Очередная глупая сплетня — эка невидаль.

Однако его абсолютное равнодушие произвело на любителей почесать языками прямо противоположное впечатление. Им показалось, что его совесть кристально чиста...

— Я же говорила, какой из него содержанец! — негромко заметила одна из девушек. — Если уж ты так уверен, что видел их вместе, так они, скорее всего, просто встречаются. Чего тут такого?

— Вполне вероятно. Судя по всему, они ничего не скрывают. Лучше нам действительно попридержать языки.

Фан Хуа скептически фыркнул — версия про роман казалась ему бредом, — но, поскольку Цзи Чэн ушёл ещё недалеко, промолчал.

И когда все уже решили переключиться на работу, Цзи Чэн внезапно развернулся и пошагал прямо к ним! Сплетники от неожиданности вздрогнули.

— Мы не встречаемся. Заберите свои слова обратно! — процедил Цзи Чэн, смерив их ледяным, обещающим расправу взглядом.

Его свирепый вид мгновенно парализовал всех четверых.

У сплетников в голове это укладывалось с трудом. Когда тебя называют альфонсом на

содержании — тебе хоть бы хны, а стоит сказать, что вы пара — и ты тут же готов глотку перегрызть?! Псих ненормальный!

Увидев их ужас, Цзи Чэн сам немного растерялся и с мрачным видом отступил на пару шагов.

Он и сам не мог понять, почему безобидное слово «пара» заставило его мгновенно встать дыбом, хотя к любым прочим слухам он давно был глух.

Цзи Чэн даже не заметил, как докрасна пылают его уши. В голове крутилась лишь одна мысль: Лу Цзюньсянь слишком хороший человек, нельзя позволить очернять его имя.

В его собственной, весьма своеобразной логике всё делилось просто: если наговаривают про «содержанца» — грязь льют на него самого, и это терпимо. Но если говорят, что они пара — значит, сплетни задевают Лу Цзюньсяня. Его предвзятость была абсолютной, вот только сам он этого ещё не осознавал.

— Хотите посплетничать — знайте меру. А если языки чешутся сверх меры, переходите работать в папарацци, — раздался мягкий, но оттого лишь более строгий голос.

Обернувшись, рабочие увидели стоящего неподалёку Лу Цзюньсяня. Поняв, что сегодня у них день сплошных провалов, они судорожно уткнулись в работу и замерли, боясь отсвечивать.

Цзи Чэн обернулся и встретил взгляд Лу Цзюньсяня.

Обычно черты лица продюсера дышали мягкостью, а в глазах теплилась едва уловимая улыбка. Однако сейчас его лицо потемнело, и от этой непривычной строгости у Цзи Чэна ёкнуло сердце.

— Пойдём, я покажу тебе площадку, — произнёс Лу Цзюньсянь и бросил быстрый взгляд на раскидистое дерево во дворе.

Попавшийся с поличным режиссёр Юй виновато ухмыльнулся и, словно воришка, бочком-бочком прошмыгнул прочь. Настроение у него, впрочем, резко улучшилось: подслушав, что Цзи Чэн и Лу Цзюньсянь — вовсе не пара, бывший возлюбленный ощутил странное, но весьма приятное удовлетворение.

Не обращая внимания на странности Юй Цзыцюня, Лу Цзюньсянь повёл юношу дальше.

Цзи Чэн покорно шёл следом, удручённо молча. На лице продюсера не было привычной улыбки, и от этого на душе у парня скребли кошки. Он мысленно корил себя: «Зачем я полез со своими объяснениями? Наверняка сделал только хуже...»

Словно угадав его мысли, Лу Цзюньсянь посмотрел на него и тихо вздохнул:

— На съёмочной площадке всегда полно народа, а где люди — там и нелепые слухи. Не бери в голову.

Цзи Чэн торопливо кивнул:

— И ты тоже не бери.

Услышав это, Лу Цзюньсянь не удержался от улыбки:

— Я в этой индустрии не первый год, научился пропускать глупости мимо ушей. Если не задеты мои границы, я просто не обращаю внимания, иначе на одни переживания всей жизни не хватит.

— Если бы они не задели мои границы, я бы тоже внимания не обратил, — тихо буркнул Цзи Чэн.

Глядя на улыбающегося продюсера, он подумал: «Но они ведь задели».

Лу Цзюньсянь не догадывался, о чём размышляет его спутник. Но, вспомнив, с какой яростной категоричностью юноша отрицал романтические отношения, продюсер окончательно убедился: Цзи Чэн — убеждённый гетеросексуал. И пусть парень уверял, будто спокойно относится к союзу своего дяди с женщиной, на деле ему, похоже, всё равно было не по себе.

— Понимаю. В вопросах ориентации действительно лучше сразу расставить точки над «i», — сочувственно произнёс Лу Цзюньсянь.

Цзи Чэн опешил.

«Постойте, кажется, меня не так поняли...»

— Ориентация... ориентация — это хорошо. Любая ориентация нормальная, — сбивчиво пробормотал он, окончательно запутавшись в словах.

Глядя на его беспорядочный лепет, Лу Цзюньсянь тихо рассмеялся и похлопал его по плечу:

— Да не волнуйся ты так. Ничего страшного, если для тебя это важно. Разница в ориентации не мешает быть хорошими друзьями. Общайся спокойно, не бойся ничего и меньше слушай болтунов.

Цзи Чэн замер, проглотив язык.

«Разница в ориентации... А у нас точно разная ориентация?»

В голове у него образовалась абсолютная каша. Не зная, как выпутаться из этой ловушки, он молча плёлся рядом с продюсером, испытывая глухую безысходность.

Он ведь просто хотел защитить честное имя Лу Цзюньсяня, не хотел, чтобы о том ходили дурные слухи! Неужели он высказался слишком резко и грубо? И теперь продюсер решил, будто Цзи Чэн сторонится его из-за ориентации...

Всю первую половину дня Лу Цзюньсянь водил юношу по площадке, знакомил с занятыми в проекте актёрами и посвящал в тонкости работы режиссёра Юя. После обеда он и вовсе устроил его на массовку в соседний павильон.

Цзи Чэн впитывал всё на лету. Его собранность и невероятная обучаемость привели Лу Цзюньсяня в полный восторг — продюсер решил, что уже завтра Цзи Чэна можно будет задействовать в настоящих съёмках.

Пожинав, Цзи Чэн сразу вернулся в номер. Пользуясь тем, что Фан Хуа ещё не было и в комнате царила тишина, он уселся за сценарий.

Исходный роман он знал практически наизусть, поэтому заучивание подправленных диалогов не составляло большого труда. Он чётко разграничил норму на вечер: отсчитал нужные страницы и твёрдо вознамерился вызубрить реплики до от зубов отскакивающего состояния — с точной интонацией и нужной эмоцией.

Он как раз окончательно погрузился в работу, когда в номер заявился соседushка.

После утреннего конфуза Фан Хуа чувствовал себя неловко. Не обронив ни слова, он быстро принял душ, растянулся на кровати и запустил мобильную игрушку.

Едва из динамика вырвались оглушительные звуки битвы, как у Цзи Чэна отчётливо запульсировало в виске.

— Давай! Вперёд! Мочи его! — вновь запричитал тот на весь номер.

Цзи Чэн взглянул на экран телефона: десять вечера, а дневной план по сценарию выполнен едва наполовину. Сколько ещё собирался орать Фан Хуа, оставалось только гадать, и внутри закипало глухое раздражение.

Спустя полчаса какофония и не думала утихать.

— Можно потише? — не выдержал Цзи Чэн.

— Какая игра без звука? Весь драйв пропадёт! — буркнул Фан Хуа, но пальцем по качалке громкости всё же провёл.

Сбавил примерно на одно деление.

Цзи Чэн сжал челюсти.

Прошло ещё некоторое время.

— Уже одиннадцать, — снова заговорил Цзи Чэн. — Спать не собираешься?

— Брат, ну кто в наше время ложится в одиннадцать?

— Мне нужно учить роль.

— Ну так учи! Я же тебе не мешаю. Тебе надо учить, мне — играть. Если я выключу звук ради тебя, ты будешь ущемлять мои интересы, верно? Давай проявлять взаимное уважение, ладно?

С этими словами Фан Хуа уменьшил громкость ещё на микроскопический децибел и показал Цзи Чэну пальцами «О. К.».

Цзи Чэн смолчал.

Аргументы звучали до того убедительно, что возразить было нечего. Высказаться чесались только кулаки.

Ярость подступала к горлу, но, не желая создавать проблем Лу Цзюньсяню, парень молча подхватил сценарий и поднялся с койки, намереваясь уйти учить текст в коридор.

Фан Хуа мазнул по нему насмешливым взглядом и ядовито хмыкнул:

— Вот и правильно. А ещё лучше дуй напрямую к Учителю Лу. Совместишь приятное с полезным: и потрахнешься, и роль повторишь.

Цзи Чэн застыл у кровати. Лицо его мгновенно потемнело, а сжатые кулаки отозвались сухим, зловещим треском суставов.

Заметив это, Фан Хуа отсебятиной перепугался, отшвырнул телефон и вжался в угол.

— Эй-эй, хорош! Я же пошутил! Ты чего шуток вообще не понимаешь?!

Цзи Чэн смерил его тяжёлым взглядом, одёргивая себя: «Драться нельзя».

Он вернулся на кровать, достал телефон и отыскал в контактах номер Лу Цзюньсяня. Одно лишь имя на экране помогло немного сбить пламя гнева и вернуть контроль над собой.

Стоило ему успокоиться, как Фан Хуа, уразумев, что за грозным фасадом скрывается безобидный парень, снова смахнул пыль с телефона и уставился в игру.

Цзи Чэн набрал воздух в грудь, открыл сообщения и отправил Лу Цзюньсяню короткую СМС:

«Учитель Лу, мне можно подраться?»

Занимавшийся работой над текстом Лу Цзюньсянь, увидав такое сообщение, оторопел. Затем до него дошло: один из утренних любителей чесать языком — как раз сосед Цзи Чэна по комнате. Неужели они сцепились?!

Не тратя времени на ответное сообщение, продюсер спешно спустился на этаж ниже и постучал в дверь.

Открыв дверь и обнаружив на пороге Лу Цзюньсяня, Цзи Чэн почувствовал, как мгновенно испаряется весь его гнев, а уши наливаются густым румянцем.

— Что случилось? Поссорились? — спросил Лу Цзюньсянь, с улыбкой отмечая, как свирепая физиономия юноши вдруг сменилась детской обидой. Он мягко коснулся его волос и заглянул в комнату.

Не сообразив, кто вошёл, Фан Хуа продолжал вопить над игрой.

— Почему не спите? Завтра же ни свет ни заря вставать, — ровным тоном произнёс Лу Цзюньсянь, перешагивая порог.

Фан Хуа оглянулся и, отыскав взглядом продюсера, опешил. Вырубив звук на телефоне, он торопливо заискивающе заулыбался:

— Да-да, уже закругляюсь! Доиграю катку и на боковую. Учитель Лу, вы по делу?

Лу Цзюньсянь не ответил. Бросив взгляд на раскрытый сценарий на койке Цзи Чэна, он мгновенно понял причину раздора.

— Фан Хуа, сколько у тебя ещё смен?

Парень озадаченно замялся, пересчитывая сцены в уме:

— Да почти не осталось...

— Понятно. Играй дальше. Но учти: в отеле звукоизоляция оставляет желать лучшего, а съёмочная группа за день валится с ног. Будь добр, уважай чужой отдых.

Фан Хуа закивал, словно заведённая игрушка.

Лу Цзюньсянь подошёл к койке, забрал сценарий и телефон Цзи Чэна и направился к выходу, увлекая юношу за собой.

Цзи Чэн покорно плёлся следом, всё ещё слегка дезориентированный. «Как это я вдруг иду к нему в номер?»

— Я попрошу режиссёра Юя отснять его сцены вне очереди, чтобы он поскорее освободил площадку. Слишком уж языком мелет, — недовольно заметил продюсер.

Цзи Чэн лишь торопливо кивал, вместе с ним переступая порог его номера.

Позвонив в службу обслуживания номеров и попросив дополнительное одеяло, Лу Цзюньсянь аккуратно постелил парню на ковре.

— Молодец, что удержался и не устроил драку. Придётся тебе и сегодня перебиться на полу.

Цзи Чэн воззрился на импровизированную постель, чувствуя, как сладко замирает сердце. Кивнув, он тихо проговорил:

— В следующий раз, перед тем как подраться, я тоже сначала спрошу у тебя.

Лу Цзюньсянь обомлел и невольно рассмеялся:

— Договорились. Буду твоим личным советником по мордобой.

Он присел на корточки рядом, с улыбкой наблюдая, как юноша послушно забирается под одеяло.

— В съёмочной группе полным-полно отличных людей. Попробуй сделать шаг навстречу. В

обществе без социализации никуда, верно?

Цзи Чэн понимающе кивнул, но тут же уткнулся в сценарий, всем своим видом показывая, что с этим мнением он категорически не согласен.

Лу Цзюньсянь лишь покачал головой.

Маленький театр

Цзи Чэн: Мне сегодня можно подраться?

Лу Цзюньсянь: Нет.

Цзи Чэн: Хорошо, тогда не буду.

<http://bllate.org/book/20688/2132770>